

«Стрела времени» и «линии жизни» Деконструкция линейности*

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент, департамент политологии и социологии,
кафедра прикладной социологии, Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Михаил Вандышев

Кандидат социологических наук, доцент, департамент политологии и социологии,
кафедра прикладной социологии, Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.n.vandyshv@urfu.ru

Елена Прямикова

Доктор социологических наук, директор Института общественных наук,
Уральский государственный педагогический университет
Адрес: пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

В статье анализируются данные социологического исследования, полученные методом «линий жизни» (ЛЖ) среди школьников и учащихся СПО небольших моногородов Свердловской области. Особое внимание уделяется эвристическим возможностям этого метода в изучении мобильности и конструировании нарратива прошлого, настоящего и будущего молодых людей. Статья преследует двоякую цель — во-первых, подвергнуть методической рефлексии опыт использования ЛЖ, во-вторых, обсудить содержательные находки, полученные с помощью этого метода. В анализ включены 230 рисунков студентов и школьников, обучающихся в образовательных учреждениях Красноуральска, Ревды и Первоуральска. Дан краткий обзор развития метода с обоснованием собственной (малоформализованной) версии. Представлена типология ЛЖ, построенная по критериям формальной структуры, она помогает анализировать смыслы (не)линейности, обращая внимание как на доминирующую логику, так и на разнообразие конфигураций. В классической и современной социологической теории прочно укоренились представления о линейности социальных изменений. На биографическом уровне движение, течение жизни также описывается с учетом линейности и направленности. Большинство рисунков наших участников выдержаны в линейной логике, однако внутри нее обнаруживается большое разнообразие, отдельно рассматриваются различные варианты отклонений от стандартной стрелки из прошлого в будущее. Представляют интерес элементы рисунков, свидетельствующие о территориальной идентичности. Использование местных названий придает рисункам конкретику и насыщенность, демонстрирует локальную компетентность участников.

© Веселкова Н. В., 2020

© Вандышев М. Н., 2020

© Прямикова Е. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-85-105

* Статья подготовлена в рамках проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № проекта 18-011-00457, 2018–2020 гг.

Метод линии жизни позволяет, по мнению авторов, показать разнообразие и вместе с тем относительную изоморфность визуализаций биографии, помещающих ее в более широкие социальные контексты — в масштабы региона, страны или даже мира.

Ключевые слова: «линия жизни», жизненный путь, визуализация, идентичность, темпоральность, мобильность, моногород, учащаяся молодежь

Введение: вездесущность линейной метафоры

Западная культура пронизана воплощениями однонаправленно-линейного течения времени — от имманентной хронологии нарратива и до практики письма слева направо, включая (как изобретательно подмечено в: Sheridan, Chamberlain, Dupuis, 2011) и графику нотного стана. Выражение «стрела времени» утвердилось в научном обороте с 1928 года благодаря А. Эддингтону (Пригожин, Стенгерс, 2000: 225, прим. 1), его социологическому осмыслению посвящены труды С. Кравченко (2009, 2015), рассматривающие общие представления о линейности социокультурной динамики и объясняющие ее через «стрелу времени» социологической теории. Так или иначе, эта метафора содержит идею собранной в пучок направленности изменений разнообразных социальных процессов — от социокультурной динамики социальной системы до индивидуальной биографии. Макросоциологические теории, особенно марксистского толка, активно разрабатывают идеи последовательной смены общественно-экономических формаций, стадий экономического роста (Белл, 2004; Rostow, 1971 и др.), культивирующие неотвратимость поступательного движения. Казалось бы, в совершенно других, эволюционистских теориях социальных изменений также работает линейный принцип, когда говорится о поиске лучшего способа адаптации к среде, хотя сами по себе векторы этой адаптации могут быть очень вариативными. Идея направленности движения в том или ином виде встречается едва ли не во всех макротеориях социальных изменений, фактически она становится осевой для построения социологии.

Уровнем ниже, на мезоуровне, речь идет о регионах, социально-территориальных общностях, каждая из которых может иметь свой особенный исторический путь. Такому движению в теоретической интерпретации опять же приписываются вышеприведенные характеристики — линейность и направленность. На микроуровне рассматриваются траектории индивидуальных биографий, активность акторов и малых социальных групп. При всей видимой эмпирической хаотичности исследователям удается выделять тенденции, общие направления, характеризующие содержание и ведущие интенции деятельности акторов в конкретный исторический период. Одним из способов изучения таких тенденций является метод «линий жизни». Он позволяет получить осмысленное и обоснованное представление актора, исследовать конструирование нарратива прошлого, настоящего и будущего.

На первый взгляд «линия жизни» — это скудная схема, что она может рассказать? Нарисованная за пару минут, не выдает ли она на-гора лишь самые шаблонные представления (например, когда информант пошел в школу и куда собирается потом, если в опросе участвуют школьники)? При всей видимой скупости, линии жизни представляют собой концентрированные, как бы вырванные из контекста повседневности биографические каркасы. Они не столько упрощают/схематизируют, сколько упорядочивают повседневные практики. Рисование таких линий становится поводом для формирования выводов (хотя и не классического «подведения итогов», мемуаризации), концептуализации собственной жизни. Такой метод обращает нас к знаменитому разделению позиций наблюдения Н. Лумана (уровни наблюдения и место социологии в системе знания об обществе) и связанности наблюдения и понимания (Луман, 2007). Казалось бы, схематизированные и упрощенные рисунки парадоксальным образом превращаются в один из элементов сложноорганизованной темпоральной перспективы.

«Линия жизни» (ЛЖ) — это способ формализации и схематизации жизненной истории, аккумулирующий представления о составе жизненного пути через социально нормированные и лично значимые вехи и ведущие ценности. Вместе с тем событийный ряд и сама конфигурация рисунка могут многое сказать не только о психологии участников, но и о социальных приметах времени: какие события выделяются как значимые, где начинается прошлое и куда простирается будущее и т. п. Именно в таком социологическом качестве этот метод применяется в нашем исследовании социально-статусной и географической мобильности в моногородах, обнаруживая богатый познавательный потенциал.

В настоящей статье мы преследуем двоякую цель — во-первых, подвергнуть методической рефлексии опыт использования ЛЖ, во-вторых, обсудить некоторые содержательные находки, полученные с помощью этого метода. В анализ включены 230 рисунков¹ учащихся (63 студента колледжа, 167 школьников 9–11 классов, 113 юношей и 117 девушек) в Краснотурьинске, Ревде и Первоуральске. Это небольшие уральские моногорода (от 57 до 124 тыс. чел. населения), жизнь которых тесно (была) связана с деятельностью градообразующих предприятий в сфере металлургии, что могло бы (должно бы было) отразиться и в представленных линиях жизни, например, «получил образование, пошел работать на завод» и т. п.

ЛЖ создавались во время групповых дискуссий, наряду с другими графическими заданиями, так что они являются частью большого комплекса данных, однако сосредоточиться мы бы хотели на материалах именно ЛЖ, (почти) не прибегая к иным источникам.

---

1. Соотносится с объемом выборки, обычной для психологических исследований подобными методами: 237 — у Дж. Коэна, Ч. Э. М. Хансела и Дж. Сильвестера (Cohen, Hansel, Sylvester, 1954), 80 — у Г. Рапппорта и др. (Rappaport, Enrich, Wilson, 1985), 60 — у Б. де Вриса и Д. Ватта (de Vries, Watt, 1996); 96 — у А. Бон (Bohn, 2010), 98 на первом этапе и 83 на втором — у М. Ассинк и Й. Шрутса (Assink, Schroots, 2010).

«Линии жизни»: генеалогия метода и релевантные контексты

В теоретико-методологическом плане ЛЖ представляют собой, во-первых, вариант *рассказанной* (вербально и визуально) *личности*, что близко, но не сводится к понятиям *нарративной и территориальной идентичности* (Рикёр, 2008; Рождественская, 2010; Ечевская, 2015). Для нашей темы продуктивен задаваемый идентичностью «горизонт жизненных возможностей и способов их реализации» (Ечевская, 2015: 196). В остальном, поскольку нас интересует личный взгляд и формулировки информантов при вписывании себя в те или иные контексты, мы предпочитаем говорить о представлениях участников².

В том, что касается территориальности, с помощью ЛЖ мы пытаемся понять, какие *локальные* наименования и символы используют молодые люди в изложении своих историй, трактуя это как проявление локальной социальной компетентности (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 59, 234, 250–280).

Во-вторых, ЛЖ, конечно же, раскрывает представления о *жизненном пути*, его институциональную матрицу, включая базовый институт социального/биографического времени (Мещеркина, 2002; Веселкова, 2006; 2011). Особый аспект ЛЖ связан с изучением автобиографической памяти (Assink, Schroots, 2010).

Наконец, в-третьих, в ЛЖ нас интересует *мобильность*, причем не только карьерные шаги и притязания, традиционно изучаемые в перспективе жизненного пути, но и территориальные перемещения молодых людей (Данилова, 2016; 2017).

В техническом и процедурном плане ЛЖ — это: а) схематичное изображение жизненных событий в виде графика или рисунка, б) в хронологическом порядке. К этому следует добавить, что, как правило: в) картинка включает вербальные пояснения и г) входит в состав анкеты, интервью или групповых обсуждений (ср., например: Tasker, 2017: 4–5).

Метод ЛЖ уходит корнями в разработки по измерению восприятия времени, а также жизненного пути и жизненных событий, получившие название «линия времени». В 1950-е годы Дж. Коэн, Ч. Э. М. Хансел и Дж. Сильвестер использовали лист бумаги с уже начерченной линией (ок. 25 см), предлагая учащимся представить, что это вся их жизнь от «рождения» до «настоящего» и выполнить ряд заданий (Cohen, Hansel, Sylvester, 1954: 109)³. В отечественной науке классикой стала книга «Психологическое время личности» (1984), где Евгений Головаха и Александр Кроник представили методологию каузометрии, включавшую, правда, не линии, а графические «круги Коттла» и ряд других методик; в начале 1990-х на ее основе была создана компьютерная программа *Lifeline*, связывающая события

2. Что, впрочем, согласуется с трактовкой нарративной идентичности у Ольги Ечевской: «Нарративная идентичность понимается как представление человека о себе, артикулированное в контексте прошлого и настоящего в определенный момент времени, в специфической ситуации интервью», где событийная и рассказанная сторона одинаково важны и вместе «работают на создание непрерывной и осмысленной истории жизни» (Ечевская, 2015: 197).

3. Советские ученые в 1940–1950-е годы также изучали восприятие времени (Элькин, 1959), но, насколько можно судить, без применения графических техник.

в причинно-следственные цепочки (Головаха, Кроник, 2008/1984; Кроник, Ахмеров, 2003).

В тех же 1984–1985 годах Герберт Раппапорт разработал свою «Линию жизни Раппапорта» для измерения плотности, растяжимости и воспринимаемой длительности времени жизни. Перед студентами горизонтально располагали полоску бумаги (ок. 61 см), символизирующую жизнь от рождения до смерти, где предлагалось зафиксировать значимый опыт с указанием возраста; далее следовало короткое интервью (Rappaport, Enrich, Wilson, 1985: 1611–1613). В модифицированной версии Брайана де Вриса и Дэвида Ватта точно так же используется заготовка с нарисованной линией, помеченная по краям «рождение» и «смерть». Участники определяют, где они находятся в настоящем и наносят на линию значимые события, давая их оценку по 5-балльной шкале от «очень приятного» до «неприятного» (de Vries, Watt, 1996: 85–86).

Таким образом, на начальных этапах преобладала довольно высокая степень формализации, но позднее Йохан Шрутс с коллегами в своем «методе интервью по линии жизни» решили перенести центр тяжести на разговор с информантами (Schroots, ten Kate, 1989; Assink, Schroots, 2010). В недавнем российском исследовании межпоколенной мобильности ЛЖ была организована по принципу полузакрытого вопроса: респондент мог просто отметить один из предложенных восьми вариантов линии либо нарисовать свой (Семенова, 2017: 20–22). Используемое нами методическое решение значительно менее формализовано: пустой лист А4 и набор фломастеров оставляют простор для творчества, ограниченного только инструкцией («Нарисуйте свою линию жизни — так, чтобы были прошлое, настоящее и будущее и по нескольку событий в прошлом, настоящем и будущем») и контекстом общего обсуждения. Другая особенность обусловлена форматом групповой дискуссии, который не предусматривает детального проговаривания каждого рисунка.

Типология линий жизни: «императив линейности» и его нарушения

В своем обобщающем обзоре Б. де Врис справедливо называет встроенным ограничением метода ЛЖ «императив линейности» (de Vries, 2013: 31). В нашем исследовании инструкция предписывает «рисовать линию», сам порядок перечисления модусов времени задает вектор от прошлого к будущему. В итоге, что вполне ожидаемо, большинство рисунков выдержаны в линейной логике, однако внутри нее обнаруживается большое разнообразие; особый интерес представляют «отклонения» от линейности.

Несмотря на то, что в отличие от Г. Раппапорта и др. мы не указывали, как именно рисовать, добрая половина ЛЖ (57%) содержит горизонтальную (чаще, но не всегда прямую) линию — это господствующий тип. Линейность представлена через возрасты и этапы жизненного пути — на протяжении жизни в целом или в период «детский сад — школа — колледж/вуз». Образование играет систе-

мообразующую роль в силу этапа жизненного пути информантов-учащихся, еще более актуализированную тем, что групповые дискуссии проводились в учебных заведениях.

Идею последовательности возрастов жизни прекрасно выражает рисунок 1: выстроенные на одной линии этапы от младенца до старика с его поредевшими волосами, очками, палочкой и вставной челюстью дополнены дорогой к смерти. Аналогичные образы мы получали и ранее в исследованиях взросления (Веселкова, Прямикова, 2005: 116–117; Ершова, Веселкова, Прямикова, 2014). На рисунке 1 могила с зеленью и цветами приближена к начальному пункту жизненного пути, как бы замыкая условный круг. Если малыш, ребенок и взрослый изображены по возрастающей, то новорожденный и старец показаны непропорционально большими, что дает представление об их если не большей значимости, то особом социальном и семейном положении⁴.

Вряд ли молодые люди намеренно воспроизводят иконографию популярных в середине XIX века литографий возрастов жизни человека (рис. 2)⁵, однако архетипичность визуализации хорошо прослеживается.

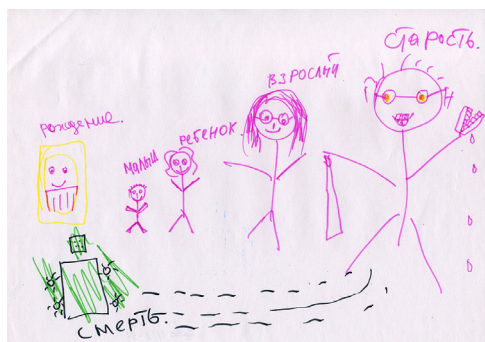

Рис. 1. Линейно-круговое представление этапов жизненного пути (КрЖ11/2-94)

Рис. 2. Литография Currier & Ives «Жизнь и возрасты человека». Сер. 1840-х гг.

Образ *лестницы* транслирует «карьерная карта» в образовательном центре завода, где занимаются студенты колледжа и проводились две групповых дискуссии (рис. 3). Рассчитанная на юношей, эта схема обещает карьеру от студента до начальника цеха, показывая, сколько времени занимает каждая ступень и к какому возрасту на нее можно попасть. Линии жизни студентов содержат (единичные) упоминания: «подняться на заводе», «поднятие по карьерной лестнице» (ПМК2-26, КрМК-20), но саму лестницу при этом не рисуют. Во всем массиве несколько

4. Используется шифр, где обозначен город (Кр — Красногурьинск, П — Первоуральск, Р — Рева), пол информанта, класс (9-й или 11-й) и школа либо колледж (1 или 2) и порядковый номер в каждом городе. Например, КрЖ11/2-94 — 11-классница из Красногурьинска, ПМК2-26 — студент первоуральского колледжа.

5. Currier & Ives Lithograph — «Life and Age of Man» // WorthPoint. URL: <https://www.worthpoint.com/worthopedia/currier-ives-lithograph-life-and-age-of-man> (22.06.2019).

ЛЖ отдаленно ее напоминают, но только один рисунок 9-классницы изображает классическую лестницу-диагональ образовательной деятельности (ПЖ9/2-92). Очевидно, равномерное восхождение к одной цели не соответствует представлениям изучаемых молодых людей.

Направленность ЛЖ подчеркивается *стрелками*. В том или ином виде они присутствуют на 38% рисунков и практически всегда направлены в одну сторону. Любопытное исключение составляют два изображения, на которых под длинной горизонталью со стрелкой вправо прошлое снабжено дополнительным указателем влево, а будущее — вправо (рис. 4).

Рис. 3. Карьерную карта белого металлурга (Первоуральск Он-Лайн, 2014)

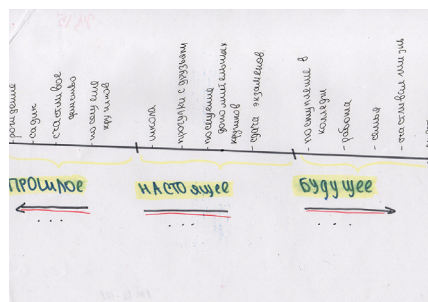

Рис. 4. Расходящиеся направления прошлого и будущего (РЖ9/2-109)

В нашей коллекции есть рисунок, в котором вся ЛЖ выполнена в виде стрелы, причем ориентированной вертикально вверх. Два нижних сектора занимают «детский сад» и «школа», а верхний — семья со схематичным изображением генеалогического дерева, в каждом круге присутствуют друзья и новые знакомства (рис. 5). В целом вертикальные линии довольно распространены и могут быть ориентированы как вверх, так и вниз (как на рис. 6).

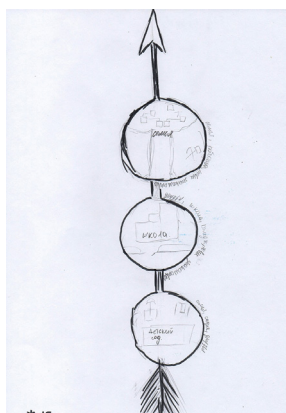

Рис. 5. Вертикаль в виде стрелы (КрЖ9/2-103)

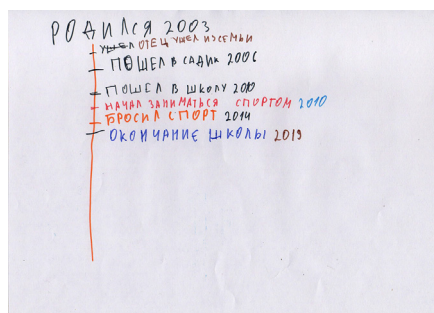

Рис. 6. Вербальный список с включением вертикальной прямой линии (ПМ9/2-78)

Если принять за точку отсчета укорененный базовый образ ЛЖ — прямую горизонтальную линию, то вертикаль и диагональ будут определенным отступлением. То же можно сказать о разнообразии формы, когда ЛЖ изображают извилистой, зигзагообразной, с резкими поворотами; но все это вариации линии. Около $\frac{1}{4}$ ЛЖ не содержат единой линии. Рассмотрим их подробнее.

Отклонение от стандартной стрелки из прошлого в будущее может быть связано с особенностями перехода с одного жизненного этапа на другой и/или непрозрачностью представлений о том, как этот переход может произойти.

Существенный для учащихся переход — между школой и работой. На рисунке 7 он отмечен единственной стрелкой, ведущей от вуза (УрФУ — Уральский федеральный университет) к заводу (ПНТЗ — Первоуральский новотрубный завод). Нарисованные в виде однотипных зданий, университет чуть поменьше, завод — чуть побольше, они находятся на правом, самом большом поле будущего (периоды времени не подписаны). До университета предстоит служба в армии, что символизирует человек в каске и с автоматом слева от УрФУ. В среднем поле находится нынешняя фаза — ПМК (Первоуральский металлургический колледж), здесь завода еще нет, хотя и колледж, и завод вместе реализуют программу дуального образования и наши групповые дискуссии проходили в образовательном центре на территории завода. Нередко студенты считают практику на предприятии своим опытом работы, однако на этом рисунке колледж представлен отдельно от завода.

Подобным образом организованный женский рисунок из того же учебного заведения (рис. 8), напротив, объединяет в настоящем колледж (ПМК) и «работу/завод», все это в окружении «семьи», «диплома» и «песика» — здесь о переходе говорить не приходится, поскольку колледж и работа уже находятся бок о бок. А вот «хорошая работа» в будущем, которая идет в связке с саморазвитием и карьерой, связана с переездом в областной центр (Екб — Екатеринбург).

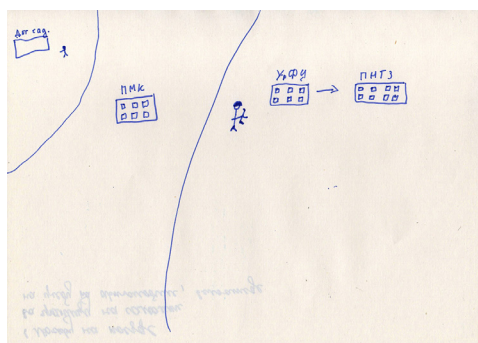

Рис. 7. Переход между образованием и работой (ПМК2-19)

Рис. 8. Образование и работа (ПЖК2-32)

В индустриальных моногородах среди практик профориентации распространены экскурсии в заводские цеха и музеи, рассказы о рабочих профессиях и поощрение династий. Предприятие заинтересовано в вовлечении подготовленных им кадров, однако, по предположению студентов, на завод после колледжа идет от 40 до 70%, а по словам эксперта — только 30% выпускников. Анализируя специфику образовательных стратегий молодых рабочих (в т. ч. и на уральском материале⁶), Ирина Тартаковская и Александрина Ваньке заключают, что СПО воспринимается молодыми людьми как способ относительно быстро и без особых материальных затрат получить профессию, но также и вариант взросления, уход из школы, «о которой многие из них сохранили не самые лучшие воспоминания» (Тартаковская, Ваньке, 2016: 18). Негативные ассоциации со школой имеются в рисунках и наших студентов (но не школьников). Таким образом, образование после школы остается важным звеном перехода, однако совсем не обязательно служит ступенькой для интеграции на градообразующем заводе. Конкретное предприятие вообще указывают крайне редко, предпочитая называть желаемую сферу деятельности или оценочные характеристики работы типа «хорошая», «приличная, достойная», «работа мечты». Работу родителей как реальную возможность повторения их судьбы почти не называют. При этом в своих пояснениях участники далеко не всегда ссылаются на плохие условия, например, уровень заработной платы, скорее ими руководит желание иначе выстроить свой вариант жизненной истории. Что-то новое, но пока еще неизвестное, входит в спектр возможных перспектив, в том числе связанных с местом: здесь и сейчас «скучная» определенность, там где-то — набор возможностей, многообещающая неопределенность, размывающая линейную предзаданность жизненного пути.

Предельным отклонением является *отсутствие графики вообще*, когда присутствуют только слова или, наоборот, только *изображение без слов* (рис. 9, 10). Отказ от рисования не означает, однако, исчезновения линейности — она поддерживается последовательностью изложения событий, т. е. устройством нарратива вообще и биографического «повествования о себе» (Андреева, 2012) в частности. Еще сильнее линейная заданность подкрепляется включенностью в систему образования, как основного, так и дополнительного, и профессионального. Текст может быть организован горизонтально или вертикально, в виде списка, без каких бы то ни было графических элементов:

- «2010 год — н.в.: Я пошел в школу
- 2012 год — н.в.: старт карьеры футболиста
- 2012–2015 года: занимался танцами
- 2014 — н.в.: начал учить английский язык» (ПМ9/2-74).

Там, где линия есть, важной модификацией оказывается ее *разветвление*. В исследованиях жизненного пути заслуженным влиянием пользуется концепция

---

6. Уральский регион представлен Екатеринбургом и Нижним Тагилом, который авторы относят к «небольшим городам», что неверно — 356,8 тыс. жителей (на момент проведения интервью в 2015 году) помещают Нижний Тагил в категорию даже не больших, а крупных.

«возможных Я» Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius, 1986), хорошо известно понятие поворотных пунктов, точек ветвления⁷. В середине XX века Н. Элиас связывал обилие развилок и перекрестков, принуждающих к выбору, с растущей специализацией. Н. Луман в своей общей теории социальных систем рассуждает о контингентности, альтернативности будущего. В наши дни В. Ильин также говорит о череде перекрестков, одни из которых затягивают в колею, другие склоняют к социальному серфингу, который распространяется, однако теперь благодаря депрофессионализации (Элиас, 2001: 180–184; Луман, 2007; Ильин, 2019: 32). При этом выбор в пользу одного варианта по-прежнему исключает все остальные, образуя «свалки непрожитых жизней» — выражение, позаимствованное Элиасом из произведения Р. М. Рильке 1905 года. Эта драматургия остается актуальной для концептуализации выбора по принципу «или-или» в ситуации множественности. Между тем исследования взросления показывают ценность «параллельной организации жизненного пути» по принципу «и то, и другое» (Веселкова, Прямикова, 2005: 165–167).

В анализируемом массиве 14 ЛЖ (6%) содержат какие-либо развилки, при этом представлены оба способа совладания с множественностью, «альтернативный» и «параллельный». Рисунок 9 представляет пример альтернативной организации («или-или»). Здесь несколько последовательных развилок: от университета расходящиеся стрелки ведут к работе либо киберспорту, от работы — к одиночеству и от него к науке и наследию либо к семье и возможным внукам и т. д. На рисунок 10 от начальной точки одновременно исходят три линии — это пример параллельной организации («и то, и другое»), они тоже потом ветвятся: одна знаменует спорт и связанные с ним поездки, другая — школьную жизнь, третья — музыкальную школу.

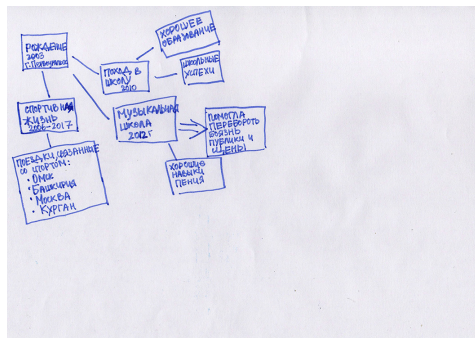

Рис. 9. «Альтернативное» разветвление линии жизни (ПМ10/2-96)

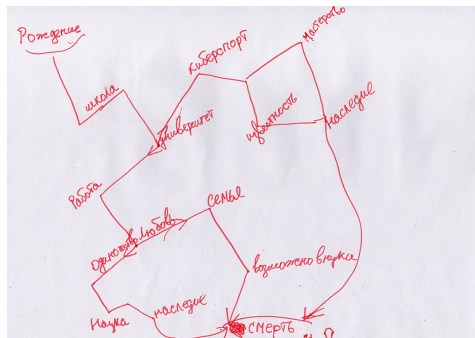

Рис. 10. «Параллельное» разветвление линии жизни (ПЖ9/2-89)

7. См., например, обзор: Чердниченко, 2013, 2014.

Альтернативная организация везде встречается только для будущего; параллельность присутствует и в прошлом, и в настоящем, и в будущем в виде написанных единым текстом событий.

Линия жизни 20-летнего студента колледжа подобно дереву, растет вертикально вверх. Верхние звенья содержат ветви: в «2019 закончил КИК — Сходил в армию», далее «переехал в другой город», откуда также отходит две ветки: «Устроился на приличную, достойную работу» и «Попробовать свой бизнес, свое дело» (рис. 11).

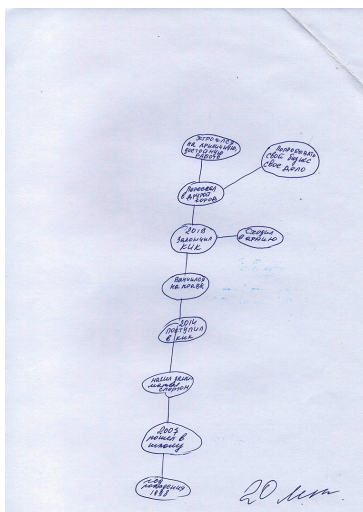

Рис. 11. Линия жизни как дерево, ветвящееся наверху (КрМ-К21)

Время линии жизни

События чаще всего маркируются календарными годами, реже — возрастом. В ряде случаев есть только качественное обозначение, т. е. название события, но встречаются и смешанные варианты. Так, 10-классница с точностью до дня отметила дату рождения, но из 14 последующих пунктов только два имеют количественную характеристику, это: «свадьба 22 года — дети 25 лет» (ПЖ10/2-110).

Наша методика оставляла за информантами выбор начального и конечного пунктов, эти позиции позволяют оценить как темпоральную глубину ЛЖ, так и влияние институциональных контекстов. В качестве начальной точки чаще всего фигурируют включение в систему образования — поступление в садик, школу либо рождение.

Господство системы образования проявляется и в определении конечной точки — для школьников это предстоящее окончание школы, за которым может

следовать пункт «поступить в колледж в своем городе» (ПМ-9/2-79) или в вуз в другом, более крупном городе. За пределами этой логики находятся такие многочисленные, но характерные оценочные определения завершения ЛЖ, как «счастливая жизнь», «жить счастливо», «жить прекрасно». Инструкция не предписывала обязательно изобразить всю жизнь вплоть до смерти, однако 12% ЛЖ включают «смерть» («могилу», «конец жизни»).

Четко разделенные прошлое, настоящее и будущее (как на рис. 4, 7, 8) содержит только треть рисунков.

Настоящее редко предстает выделенным отдельным пунктом, как на рисунке 12. Не имея собственного содержания, оно обнажает здесь свою функцию растянувшейся на весь лист горизонтали предыдущей жизни и поворота к такому будущему, как «переезд и поступление в другой город (Екб, Мск, СПб)».

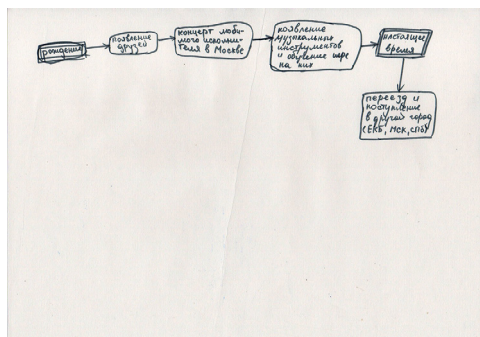

Рис. 12. Настоящее как поворотный пункт (ПЖ10/2-115)

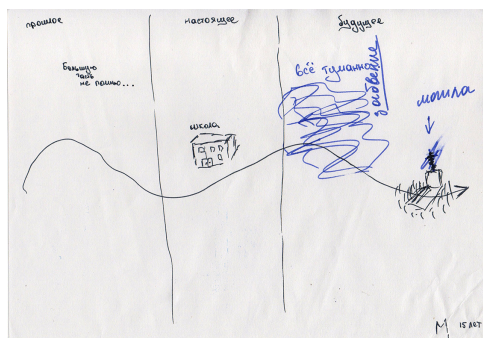

Рис. 13. Туманное будущее (ПМ9/1-38)

Более распространены рисунки, где настоящее — не точка, а протяженность, причем это может быть весьма продолжительный отрезок, охватывающий, скажем, школьную жизнь информанта-девятиклассника от 1-го класса до получения паспорта (ПМ9/1-40).

Будущее зачастую мало населено событиями. Рисунок при этом смещается влево и/или вверх (как на рис. 6), на листе остается свободное место именно в районе будущего.

Ближайшее будущее просматривается хорошо, более отдаленное — гораздо слабее: «2019 г. армия — 2020 г. работа — 2026 г. зак. вышку — 2030 г. накопить на бизнес — Туман» (КрМ-К2). Неопределенность будущего может быть выражена через знак вопроса в конце линии либо сопровождать каждый этап от экзамена в 9-м классе и до заключительного «семья работа дети» (ПМ9/1-41), а также через характерное наименование и изображение отрезка будущего — «все туманно...» как на рисунке 13, или «поживем — увидим» (ПМ10/2-95), «???Будущее неопределенно» (КрМ-К8), «как пойдет» (КрМ-К20). Ровная прямая линия в секторе бу-

дущего превращается в волнистое море и даже если наверху значатся отметки: «окончание 9-го класса — колледж (?) — переезд в др.город — смерть (?)», под линией — «различное будущее. Понятия не имею, как жить» (КрЖ-9/1-56).

Неопределенность будущего имеет вариации. В одном случае это предельно абстрактное будущее, представляющее как пожелание или установка:

«я хочу, чтоб в жизни все стало хорошо» (ПМ9/2-81).

«все будет круто» (непосредственно после пункта «закончу школу поступлю в мед.институт», этот отрезок выделен волнистой линией, усеянной сердечками) (ПЖ9/2-91).

«я справлюсь. Все будет хорошо!» (верхняя ступенька идущей слева направо лестницы, выделенная красным, тогда как все остальное нарисовано синим) (ПЖ9/2-92).

В другом будущее имеет более конкретные черты или, скорее, опорные позиции вроде высшего образования или рода деятельности: «...высшее образование — жить в свободном режиме» (КрМК-12).

После «колледжа, завода и диплома» в настоящем молодой человек там описывает свое будущее: «Я биткойновый миллиардер, Бизнес, Живу в Швецарии» (ПМК2-18, орфография источника).

Независимо от степени (не)определенности прорисовка будущего выглядит как мотивирующий образ, в котором социальная нормативность сочетается с личными предпочтениями.

Мобильность, активно обсуждавшаяся на групповых дискуссиях, присутствует на ЛЖ главным образом в прошлом (переезд в город проживания, поездки) и будущем (отъезд на учебу и/или переезд в другой город, путешествия или, как у 9-классницы из Первоуральска, в качестве редко встречаемой установки «вернуться в свой город» после окончания вуза (ПЖ9/2-93)).

Переезд в другой город связан с обучением в вузе и размещается в ближайшем будущем. Недавние исследования показывают, что, в отличие от направления подготовки и специальности, место обучения выбирается более осознанно (Маслевич, Сафронова, Минаева, 2018: 57–58), при этом ориентируются не столько на конкретный вуз, сколько на город (Веселкова, Мокерова, 2015). На ЛЖ информанты отмечают либо просто «переезд в другой город» в будущем, либо конкретнее: «переезд в Екатеринбург/Москву/Питер» (РЖ9/2-104), «Екб» (РМ9/2-98), «Казань» (ПЖ9/1-54), «Жизнь в Санкт-Петербурге» (ПЖ9/1-47), «Moscow» (ПМ10/1-60).

Один из рисунков обнажает влияние родственников: «мой брат уехал в Питер» — сообщает краснотурьинский школьник (единственный пункт на отрезке прошлого) — и сам он тоже хочет «уехать в Туру или в Питер и получить образование» (единственный пункт в будущем) (КрМ9/2-98).

Некоторые молодые люди обозначают свое будущее за границей, в связи с учебой: «учеба в вузе, практика за границей» (ПМ10/1-59), «учиться за границей»

(ПМ9/1-40) (у этого подростка есть опыт заграничных поездок на отдых) или в целом «...жить в Европе» (РМ9/2-99). Краснотурьинский школьник в будущем записал: «развиться как спортсмен, получить стабильную профессию, переехать за границу» (КрМ9/2-100).

Путешествия в целом встречаются во всех отрезках ЛЖ (прошлом, настоящем и будущем) однократно:

«2012 первый раз поехал на море» (ПЖ9/2-90).

«поездка в Нижний Новгород к родственникам — 1-й класс» (ПЖ10/2-109).

«Выпускной класс, поездка в Минск 2019 г. (ПЖ9/2-85).

или несколько раз на одном рисунке:

«...2019 путешествия — 2021 университет (новые знакомства) — путешествия — 2025 работа — развитие себя — 2027 свадьба — путешествия...» (ПЖ9/2-86).

«Прошлое: Разные поездки, которые вспоминаю... Настоящее: ...Поездки в другие города... Будущее: ...Путешествия по миру. Посетить другие страны...» (РЖ9/2-96).

Некоторые ЛЖ усеяны поездками, которые и в будущем продолжают «путешествиями» или потенциально связанной с ними работой (переводчик). Чтобы показать, какую долю они могут занимать от объема всех перечисленных событий, приведем несколько примеров полностью (эти ЛЖ прочерчены по линейке простым карандашом, завершаются стрелкой справа):

«5.02.2003 — 2011 г. пошла в школу — 2017 г. первый раз поехала на море — 2018 г. второй раз поехала на море — будущее. Сдать все экзамены — стать переводчиком» (КрЖ9/1-43).

«рождение 2003 г. — общение с другом — пошла в школу 2010 г. — поездка в Санкт-Петербург — поездка в Казань — знакомство с интернет-другом — лето 2013 — поездка в Испанию на конкурс 2018 г. — будущее (окончить 11 классов, путешествовать, завести семью) (КрЖ9/1-52).

Порой путешествия выглядят венцом жизненного пути: «...поступить на учителя — открыть студию танцев — написать книгу — путешествовать по миру» (КрЖ9/1-51), «...поступить в архитектурную академию — продвинуть муз.группу — окончить универ — найти работу — построить карьеру — построить семью — путешествовать» (ПЖ10/2-108).

Проявления мобильности представлены в позитивных тонах — притом что в других отношениях ЛЖ вполне допускают негатив (на уровне отдельных событий и целых периодов, как развод родителей, утрата близких, собственное нездоровье, школа для иных студентов колледжей и т. п.), а локальный медийный фон изобилует негативными коннотациями (Данилова, Швиндт, 2018).

Территориальная идентичность просвечивает в использовании местных названий, они придают рисункам конкретику и насыщенность, свидетельствуя о локальной компетентности. Если «Мисс Первоуральск» (ПЖ9/1-45) понятным образом сообщает о завоевании титула на городском конкурсе, то аббревиатуры и краткие названия, вполне уместные на схематичных изображениях, для непосвященного выглядят как требующий расшифровки набор невнятных знаков. Так, в спортивной истории первоуральских информантов можно встретить отсылку как к району города под названием Динас, где расположен завод «Динур» и одноименный спорткомплекс: «хожу на футбол 6 лет в своей хорошей команде «Динур» (ПМ9/2-79), так и к областному центру: «2017 школа Канделя... поступление в УралГУФК» (ПМ9/2-77). Речь идет о екатеринбургской детско-юношеской спортивной школе имени легендарного уральского баскетболиста, тренера Александра Ефимовича Канделя (1935–2005). УралГУФК выражает специфику уже не областную, а всего большого Урала, поскольку это вуз с головным отделением в Челябинске и филиалами в Екатеринбурге и Уфе.

Территориальная идентичность «светится» в упоминании Дня металлурга — одного из главных праздников металлургических моногородов. О локальной специфике свидетельствует и план краснотурьинского студента: «...устроиться в «Газпром» — создание семьи и благополучия жизни — уехать на Север — жить прекрасно» (КрМК-29). Филиал «Газпрома»⁸ в Краснотурьинске относится к числу желанных мест трудоустройства, а дорога «на Север» находится среди приоритетов развития территории. «Вертикаль, «Бизнес Детки. Кабэк» на ревинском рисунке (РЖ9/2-97) означает причастность автора к молодежному Совету «Вертикаль» при управлении образования городского округа Ревда и группе в социальной сети «ВКонтакте» «Бизнес Детки. Кабэк» для ревинских школьников 8–11 класс (13–16 лет).

Довольно необычное наполнение ЛЖ представляет обозначение прошлого и настоящего через улицы, где подросток жил ранее и живет сейчас (об этом шла речь на групповой дискуссии), будущее же представлено профессией, за которой идет смерть (Космонавтов — Строителей/Береговая — слесарь → смерть (ПМ9/1-34)).

Заключение

Прочно укорененная в культуре модерна линейная метафорика зримо кристаллизуется в линиях жизни. Методики ЛЖ эксплуатируют на уровне эмпирических исследований образ стрелы времени. Рождение человека, его самоопределение, развитие и своеобразное затухание в конце жизни представляют собой стандартный набор шаблонов, следующих в определенном порядке. В наших групповых дискуссиях некоторые участники попытались уйти от привычного сюжета, который

8. «Газпром Трансгаз Югорск», Краснотурьинское линейное производственное управление магистральных газопроводов — филиал Общества с ограниченной ответственностью.

изначально задает последовательность отражения элементов жизненной истории. Один из таких вариантов — ветвление, иными словами, определение нескольких возможных вариантов развития событий. Такая альтернативность относится только к будущему, участники предполагают для себя возможные варианты развития событий. Вполне вероятно, что ЛЖ людей старшего возраста обнаружили бы иные особенности прорисовки различных этапов жизни с точки зрения их наполненности и наличия или отсутствия ветвления, но это задача другого исследования; встроенным ограничением анализируемого массива являются возрастные рамки, привязанные к звену образовательной системы — старшекласники и студенты колледжей.

При всей слитности, цельности ЛЖ выявляется институциональный каркас темпорального порядка. Значение отдельных составляющих, характерных для возрастного периода участвующих в опросе, таких как обучение, поиск работы, сохраняется, но обозначаются и другие события, имеющие не менее важное значение для жизни молодых людей, например, такие как путешествия, переезд в другой город. Вертикальная и горизонтальная мобильности не просто соседствуют, они взаимодействуют на равноправных условиях. Неопределенность отдаленного будущего обозначается не только скудным событийным рядом, но и такими вербальными оценками, как «туман». Наконец, помещенные в тематический контекст групповых дискуссий, ЛЖ оказываются чувствительны к проблематике мобильности.

Типология ЛЖ, построенная по критериям формальной структуры, помогает анализировать смыслы (не)линейности, обращая внимание как на господствующую логику, так и разнообразие конфигураций. Понимание ЛЖ как визуального рассказа позволяет применять нарративные концепции, местные названия требуют обращения к понятиям территориальной идентичности/локальной компетентности.

В целом метод ЛЖ демонстрирует высокую продуктивность; здесь мы осветили только малую часть находок. За пределами статьи остались не только обычные при использовании ЛЖ социально-демографические различия, но и не столь часто обсуждаемые аспекты, как семантика цвета, эмоционально-оценочные характеристики и т. п. — представляющие собой перспективные направления дальнейшего развития темы.

Императив направленности социальных изменений, базирующийся на интенциональных или детерминистских представлениях о человеческом поведении, задает общий вектор социологического теоретизирования, пронизывает социологическую теорию от самого верха до самого низа (хотя некоторым нашим молодым людям — участникам исследования «тесно» в линейной перспективе, они пытаются изменить привычный порядок). Таким образом, идея направленности и линейности движения обладает определенным потенциалом связывания различных уровней социологической теории, а значит, исследование историй жизни позволяет ответить на вопросы более общего характера.

Литература

- Андреева Г. М.* (2012). Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2012v5n26/772-> (дата доступа: 28.06.2019).
- Бек У.* (2000). Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Белл Д.* (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia.
- Веселкова Н. В.* (2006). Отношение к будущему: штрихи к портрету темпоральной субъектности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 2. С. 11–15.
- Веселкова Н. В., Мокерова Е. В.* (2015). Высшее образование: выбор вуза или города? // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. № 3. С. 41–46.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В.* (2005). Социальная компетентность взросления. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н.* (2016). Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* (1984). Психологическое время личности. Киев: Наукова думка.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* (2008). Психологическое время личности. М.: Смысл.
- Данилова А. В.* (2016). Использование геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан: опыт эмпирического исследования // Социология города. № 2. С. 34–44.
- Данилова А. В.* (2017). Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // Социология города. № 2. С. 20–29.
- Данилова А. В., Швиндт У. С.* (2018). Дискурс мобильности в моногородах: по материалам СМИ и социальных медиа // Социология города. № 4. С. 76–89.
- Ершова Н., Веселкова Н., Прямикова Е.* (2014). Растянутое взросление // Отечественные записки. № 5. С. 37–48.
- Ечевская О. Г.* (2015). Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 195–210.
- Ильин В. И.* (2019). Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48.
- Кравченко С. А.* (2015). Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет.
- Кроник А. А., Ахмеров Р. А.* (2003). Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл.
- Луман Н.* (2007). Социальные системы: очерки общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука.

- Маслевич Т. П., Сафронова Н. Б., Минаева Н. Л. (2018). Инновационные методы привлечения абитуриентов (на примере исследования факторов мотивации) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 6. С. 52–60.
- Мещеркина Е. Ю. (2002). Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций // Социологические исследования. № 7. С. 61–67.
- Первоуральск Он-Лайн (2014). Группа ЧТПЗ презентовала «Карьерную карту белого металлурга». URL: <https://www.pervo.ru/pervouralsk/society/27431-gruppa-chtpz-prezentovala-karernuyu-kartu-belogo-metallurga.html> (дата доступа: 05.12.2019).
- Пригожин И., Стенгерс И. (2000). Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / Пер. с англ. Ю. А. Данилова под ред. В. И. Аршинова. М.: Эдиториал УРСС.
- Рикёр П. (2008). Я-сам как другой / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы.
- Рождественская Е. Ю. (2010). Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. № 30. С. 5–26.
- Семенова В. В. (2017). Профессиональный успех: изменяющаяся саморефлексия современных профессионалов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 9. № 14. С. 16–30.
- Тартаковская И., Ваньке А. (2016). Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 9–48.
- Чередниченко Г. А. (2013). Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. № 3. С. 53–74.
- Чередниченко Г. А. (2014). Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСПиМ.
- Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. А. Антоновского, А. Иванченко, А. Круглова. М.: Практикс.
- Элькин Д. Г. (1959). Восприятие времени // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. С. 193–207.
- Assink M. H. J., Schroots J. J. F. (2010). The Dynamics of Autobiographical Memory Using the LIM Life-line Interview Method. Göttingen: Hogrefe.
- Bohn A. (2010). Generational Differences in Cultural Life Scripts and Life Story Memories of Younger and Older Adults // Applied Cognitive Psychology. Vol. 24. № 9. P. 1324–1345.
- Cohen J., Hansel C. E. M., Sylvester J. (1954). An Experimental Study of Comparative Judgments of Time // British Journal of Psychology. Vol. 45. № 2. P. 108–114.
- de Vries B., Watt D. (1996). A Lifetime of Events: Age and Gender Variations in the Life Story // International Journal of Aging and Human Development. Vol. 42. № 2. P. 81–102.
- de Vries B. (2013). Lifelines: A Review of Content and Context // International Journal of Reminiscence and Life Review. Vol. 1. № 1. P. 31–35.

- Markus H., Nurius P. (1986). Possible Selves // *American Psychologist*. Vol. 41. № 9. P. 954–969.
- Rappaport H., Enrich K., Wilson A. (1985). Relation between Ego Identity and Temporal Perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 48. № 6. P. 1609–1620.
- Rostow W. W. (1971). *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sheridan J., Chamberlain K., Dupuis A. (2011). Timelining: Visualizing Experience // *Qualitative Research*. Vol. 11. № 5. P. 552–569.
- Schroots J. J. F., ten Kate C. A. (1989). Metaphors, Aging and the Life-Line Interview Method // *Unruh D., Livings G. (Eds.). Current Perspectives on Aging and the Life Cycle. Vol. 3: Personal History through the Life Course*. London: JAI Press. P. 281–298.
- Tasker I. (2018). Timeline Analysis of Complex Language Learning Trajectories: Data Visualisation as Conceptual Tool and Method // *Applied Linguistics Review*. Vol. 9. № 2-3. P. 449–473.

The Arrow of Time and the Line of Life: The Deconstruction of Linearity

Natalya Veselkova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University
Address: Lenina str., 51, Ekaterinburg, Russian Federation 620000
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Mikhail Vandyshev

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University
Address: Lenina str., 51, Ekaterinburg, Russian Federation 620000
E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Elena Pryamikova

Doctor of Sociological Sciences, Head of the Institute of the Social Sciences, Ural State Pedagogical University
Address: Prospekt Kosmonavtov, 26, Ekaterinburg, Russian Federation 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

The article analyzes the data of sociological research obtained by the Life Line (LL) method among schoolchildren and students of secondary vocational education in small mono-towns of the Sverdlovsk region. Particular attention is paid to the heuristic capabilities of this method in the study of mobility and the construction of narratives of the past, present, and future of young people. The article pursues a twofold goal: first, to subject the experience of using LL to methodological reflection, and secondly, to discuss some research findings obtained using this method. A total of 230 drawings from students and schoolchildren from Krasnoturinsk, Revda, and Pervouralsk are included in the analysis. A brief review of the method's development is given, along with the rationale for the authors' (less-formalized) version. The typology of LL, constructed according to the criteria of a formal structure, helps to analyze the meanings of (non)

linearity, paying attention to both the prevailing logic and the variety of configurations. Classical and modern sociological theory has firmly-rooted ideas about the linearity of social change. At the biographical level, movement and the course of life are also described, taking linearity and direction into account. Most of the drawings of our participants adhere to linear logic; however, a great variety is found inside of it, and various options for deviations from the standard arrow from the past to the future are considered separately. Elements of the sketches testifying to territorial identity are of interest. The use of local names and toponyms gives the drawings a specificity and richness, and demonstrates the local competence of the participants. The life line method allows, in the authors' opinion, to demonstrate the diversity and the relative isomorphism of biographical visualizations at the same time, placing it in wider social contexts across a region, country, or even the world.

Keywords: life line, life course, visualization, identity, temporality, mobility, mono-town, youth studies

References

- Andreeva G. (2012) Prezentacii identichnosti v kontekste vzaimodejstvija [Identity Presentations in the Context of Interaction]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, no 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-> (accessed 28 June 2019).
- Assink M. H. J., Schroots J. J. F. (2010) *The Dynamics of Autobiographical Memory Using the LIM Life-line Interview Method*, Göttingen: Hogrefe.
- Beck U. (2000) *Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Traditsia.
- Bohn A. (2010) Generational Differences in Cultural Life Scripts and Life Story Memories of Younger and Older Adults. *Applied Cognitive Psychology*, vol. 24, no 9, pp. 1324–1345.
- Bell D. (1999) Grjadushhee postindustrialnoe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting], Moscow: Academia.
- Cherednichenko G. (2013) Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii molodezhi: issledovatel'skie koncepty [Educational and professional trajectories of the youth: research concepts]. *Sociological Journal*, no 3, pp. 53–74.
- Cherednichenko G. (2014) *Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossiyskoy molodezhi (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Educational and Career Trajectories of Russian Young People (Based on Sociological Research)], Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.
- Cohen J, Hansel, C. E. M., Sylvester, J. (1954) An Experimental Study of Comparative Judgments of Time. *British Journal of Psychology*, vol. 45, no 2, pp. 108–114.
- Danilova A. (2016) Ispol'zovanie geolokacionnyh dannyh v issledovanii povsednevnoj mobil'nosti gorozhan: opyt jempiricheskogo issledovaniya [Use of Location-Based Data in the Research of Citizens' Daily Mobility: Empirical Study Experience]. *Sociology of City*, no 2, pp. 34–44.
- Danilova A. (2017) Marshruty povsednevnyh peremeshhenij v dosugovyh praktikah gorodskoj molodezhi [Leisure practices and daily movement routes of young city dwellers]. *Sociology of City*, no 2, pp. 20–29.
- Danilova A., Shvindt U. (2018) Diskurs mobil'nosti v monogorodah: po materialam SMI i social'nyh media [The Discourse of Mobility in Mono-Cities: Using Materials from Mass and Social Media]. *Sociology of City*, no 4, pp. 76–89.
- de Vries B., Watt D. (1996) A Lifetime of Events: Age and Gender Variations in the Life Story. *International Journal of Aging and Human Development*, vol. 42, no 2, pp. 81–102.
- de Vries B. (2013) Lifelines: A review of content and context. *International Journal of Reminiscence and Life Review*, vol. 1, no 1, pp. 31–35.
- Echevskaya O. (2015) Zhiznennye istorii i zhiznennye vozmozhnosti: issledovanie social'nyh neravenstv v optike narrativnoj identichnosti [Life Stories and Life Chances: Social Inequalities in the Workers' Narrative Identities]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no 2, pp. 195–210.
- Elias N. (2001) *Obshhestvo individov* [The Society of Individuals], Moscow: Praksis.
- Elkin D. (1959) Vospriyatie vremeni [The Perception of Time]. *Psichologicheskaja nauka v SSSR. T. 1* [Psychological Science in the USSR, Vol. 1], Moscow: RSFSR Academy of Sciences, pp. 193–207.

- Golovaha E., Kronik A. (1984) *Psihologicheskoe vremja lichnosti* [Psychological Time of Personality], Kiev: Naukova dumka.
- Golovaha E., Kronik A. (2008) *Psihologicheskoe vremja lichnosti* [Psychological Time of Personality], Moscow: Smysl.
- Ilyin V. (2019) Social'nyj serfing kak model' molodezhnogo obraza zhizni [Social Surfing as a Model of Youth Lifestyle]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 28–48.
- Kravchenko S. (2015) *Sociologicheskoe znanie cherez prizmu "strely vremeni": vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota* [Sociological Knowledge through the Prism of the "Arrow of Time": The Relevance of the Humanistic Turn], Moscow: MGIMO-Universitet.
- Kronik A., Akhmerov R. (2003) *Kauzometrija: metody samopoznaniya, psihodiagnostiki i psihoterapii v psihologii zhiznennogo puti* [Cause Measurement: The Methods of Self-Cognition, Psychological Testing and Psychotherapy in the Life Course Psychology], Moscow: Smysl.
- Luhmann N. (2007) *Socialnye sistemy: ocherk obshhej teorii* [Social Systems: Essay on General Theory], Saint Petersburg: Nauka.
- Markus H., Nurius P. (1986) Possible Selves. *American Psychologist*, vol. 41, no 9, pp. 954–969.
- Maslevich T., Safronova N., Minayeva N. (2018) Innovacionnye metody privlecheniya abiturientov (na primere issledovanija faktorov motivacii) [Innovative Ways of Applicants Attraction (Based on Research of Factors of Motivation)]. *Vestnik of the Orenburg State University*, no 6, pp. 52–60.
- Meshcherkina E. (2002) Zhiznennyy put i biografiya: preemstvennost' sotsiologicheskikh kategoriy [Life Course and Biography: Succession of Sociological Categories]. *Sociological Studies*, no 7, pp. 61–67.
- Prigogine I., Stengers I. (2000) *Poryadok iz khaosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: A New Dialogue of Man with Nature], Moscow: URSS.
- Rappaport H., Enrich K., Wilson A. (1985) Relation between Ego Identity and Temporal Perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 48, no 6, pp. 1609–1620.
- Ricœur P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another], Moscow: Humanities Literature Press.
- Rostow W. W. (1971) *Politics and the Stages of Growth*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rozhdestvenskaya E. (2010) Narrativnaya identichnost' v avtobiograficheskom interv'yuu [Narrative Identity in Autobiographical Interview]. *Sociology: 4M*, no 30, pp. 5–26.
- Semenova V. (2017) Professional'nyj uspeh: izmenjajushhajasja samorefleksija sovremennykh professionalov [Professional Success: Changing Self-Reflection of Qualified Professionals]. *INTER: INTERaction. INTERview. INTERpretation*, vol. 9, no 14, pp. 16–30.
- Sheridan J., Chamberlain K., Dupuis A. (2011) Timelining: Visualizing Experience. *Qualitative Research*, vol. 11, no 5, pp. 552–569.
- Schroots J. J. F., ten Kate C. A. (1989) Metaphors, Aging and the Life-Line Interview Method. *Current Perspectives on Aging and the Life Cycle, Vol. 3: Personal History through the Life Course* (eds. D. Unruh, G. Livings), London: JAI Press, pp. 281–298.
- Tartakovskaya I., Vanke A. (2016) Kar'era rabochego kak biograficheskij vybor [Working-Class Career as Choice Biography]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 3, pp. 9–48.
- Tasker I. (2018) Timeline Analysis of Complex Language Learning Trajectories: Data Visualisation as Conceptual Tool and Method. *Applied Linguistics Review*, vol. 9, no 2-3, pp. 449–473.
- Veselkova N. (2006) Otnoshenie k budushhemu: shtrihi k portretu temporal'noj sub'ektnosti [Attitude towards the future: touches to the portrait of temporal subjectivity]. *South Ural State University Bulletin, Series: Social Sciences and the Humanities*, no 2, pp. 11–15.
- Veselkova N., Mokerova J. (2015) Vysshee obrazovanie: vybor vuza ili goroda? [Higher Education: The Choice of the University or the City?]. *Vestnik socialno-gumanitarnogo obrazovaniâ i nauki*, no 3, pp. 41–46.
- Veselkova N., Pryamikova E. (2005) *Sotsial'naya kompetentnost' vzrosleniya* [Social Competence of Growing], Ekaterinburg: Ural State University.
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. (2016) *Mesta pamjati v molodyh gorodah* [Sites of Memory in Young Towns], Ekaterinburg: Ural State University.
- Yershova N., Veselkova N., Pryamikova E. (2014) Rastyanutoye vzrosleniye [The Stretched Growing]. *Otechestvennyye zapiski*, no 5, pp. 37–48.